

Рахманинова Мария Дмитриевна

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ, ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА, СТРАТЕГИИ ПРОДУКТИВНОСТИ

Настоящая статья посвящена рассмотрению специфики феномена власти как объекта социально-философского исследования и историко-философской рефлексии. Приводится обзор некоторых основных трудностей, связанных с преобладанием в академической традиции "нейтральной" позиции, задающей горизонт исследования власти, а также производится рассмотрение причин, по которым такая позиция может быть не только проблематичной, но и контрпродуктивной. В качестве решения указанных проблем предлагается дополнительный фильтр, классифицирующий теории, исходя из анализа их этической перспективы, а также обусловленного ею выбора категориального аппарата и языка исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 147-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 17.022.2

Философские науки

Настоящая статья посвящена рассмотрению специфики феномена власти как объекта социально-философского исследования и историко-философской рефлексии. Приводится обзор некоторых основных трудностей, связанных с преобладанием в академической традиции «нейтральной» позиции, задающей горизонт исследования власти, а также производится рассмотрение причин, по которым такая позиция может быть не только проблематичной, но и контрпродуктивной. В качестве решения указанных проблем предлагается дополнительный фильтр, классифицирующий теории, исходя из анализа их этической перспективы, а также обусловленного ею выбора категориального аппарата и языка исследования.

Ключевые слова и фразы: власть; исследование; теория; классификация; анализ; история.

Рахманинова Мария Дмитриевна, к. филос. н.

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург

Nordseeinsel@yandex.ru

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ, ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА, СТРАТЕГИИ ПРОДУКТИВНОСТИ

Проблема власти относится к числу так называемых «вечных» философских проблем: неслучайно статьи, монографии и диссертации, посвящённые ей, столь многочисленны и выходят с такой регулярностью – как в зарубежном, так и в отечественном академическом пространстве.

Обширный анализ этих трудов позволяет проследить одну особенность: подавляющее их большинство исследует власть как непроблематичный «нейтральный» объект, представляемый с якобы беспристрастной дескриптивностью. Так, авторы создают многочисленные классификации власти, доказывают её имманентность человеческой природе [8, с. 78], исследуют наиболее эффективные сценарии её применения [9, с. 504-507], ищут недостатки и достоинства власти [5, с. 62], исследуют роль власти в жизни общества и так далее.

Однако не только опыт структуралистского и постструктуралистского анализа, обогативший философию XX века, но и современная рефлексия гуманитарного знания указывают на то, что позиция неангажированной дескриптивности является не только иллюзорной, но и воспроизводит методологические ошибки науки прошлого. Так, с опорой на современные зарубежные источники по методологии гуманитарного знания, А. А. Тёмкина и Е. А. Здравомыслова справедливо подчёркивают: «...социальная реальность не является объективно существующей и внеположенной познающему субъекту. Аналитическая работа производится в контексте политического и идеологического ландшафта общества и того его сегмента, к которому принадлежит исследователь. <...> Социологическое знание либо воспроизводит господствующий дискурс, способствуя сохранению сложившихся властных отношений, либо критикует его» [4, с. 104]. Это утверждение вдвойне справедливо для такого объекта исследования, как власть. В самом деле, едва ли можно вообразить нейтральный способ её исследования: как круг вопросов, задаваемых власти как объекту исследования, так и категориальный аппарат, используемый для него, и аксиологические доминанты, и сам язык описания контекста, в который помещён объект исследования, – с неизбежностью окрашиваются либо интересами субъекта власти (и тогда вопрошание производится о нём, а проблематичным предстаёт объект исследования), либо интересами объекта власти (в этом случае вопрошание производится об объекте власти, а проблематизируется субъект власти). В первом случае исследователя будут интересовать, скорее всего, оптимальные способы управления и наиболее эффективные стратегии лидерства [5, с. 122-124], тактики необходимых манипуляций общественным мнением или способы удержания власти (например, как у Н. Макиавелли); во втором – софистические приёмы официальной легитимации власти, сценарии подавления объектов власти, рассматриваемые именно в терминах угнетения, а также стратегии дискурсивной дискредитации объекта власти в качестве неспособного обходиться без власти и подавления (такой тип исследовательского фокуса мы обнаруживаем, например, у М. А. Бакунина, К. Маркса, Э. Гольдмана, А. Борового, В. Райха и др.).

Исследование способов проблематизации власти, присущих этим двум сценариям, даёт основания для предположения о том, что власть как объект исследования в принципе конституируется той оптикой, в которой происходит вопрошание о ней, а не предшествует ей в качестве некоего нейтрального объекта.

Так, например, то, что в качестве власти критикует В. Райх (сценарии авторитарного подавления сексуальности, приводящие к формированию садистического фашистского характера личности [6]), не признаётся в качестве власти, к примеру, Ю. Эволой, в чьём категориальном аппарате вообще нет места таким понятиям, как «садистическая ориентация личности», «сексуальность» или «подавление» (с отрицательной коннотацией), в связи с чем он не видит ничего репрессивного в консервативном социальном проектировании. Точно так же выстраивается антагонизм позиций по женскому вопросу: там, где Ф. Энгельс [11] и А. Бебель [1] регистрируют бесосновательную и жестокую власть над женщиной, ревнители христианской веры усматривают Божий промысел, но никак не власть. Схожим образом обстоит вопрос расисткой политики: там, где противники расистской оптики регистрировали власть, её сторонники усматривали закономерный принцип разделения ресурсов, обусловленный природными различиями между чернокожими и белокожими людьми.

Таким образом, сам момент регистрации власти как объекта исследования является крайне проблематичным и обусловлен занимаемой исследователем этической позицией в целом по отношению к вопросу власти. В этом смысле вопрос о власти, во-первых, возможен только из какой-либо этической перспективы, во-вторых, его содержание и направленность в полной мере определяются этой перспективой.

Это обстоятельство даёт основания предположить, что теории власти в целом следует разделить на апологетические (вопрошающие об интересах субъекта власти и расценивающие в качестве проблематичного её объект) и критические (вопрошающие об интересах объекта власти и проблематизирующие её субъект). Такое разделение, во-первых, позволит избежать курьёзных ошибок, допускаемых исследователями при неосторожном смешении критической и апологетической оптик, в результате которого в списке недостатков власти (как «нейтрального» феномена) через запятую перечисляются сначала «контроль внешней и внутренней жизни людей» и сразу же «стремление объекта власти выйти из поля действия субъекта» [5, с. 62]. Курьёзность этой классификации заключается в очевидности того, что первый «недостаток» является таковым только с позиции объекта власти, а второй – только с позиции её субъекта. В самом деле, контроль над личной жизнью граждан не расценивается как проблема или недостаток теми, кто его осуществляет, но, несомненно, является проблемой и недостатком для тех, кто его претерпевает. Напротив, стремление граждан выйти из-под этого контроля представляет собой проблему исключительно для источника этого контроля, но никак не для самих граждан, имеющих такое намерение. В этом смысле смешение этих двух «проблем» ради впечатляющего количества собранных воедино недостатков и достоинств власти приводит к эффекту нелепости, разоблачающему мнимую нейтральность, и лишней раз указывающему на невозможность неангажированной перспективы при исследовании власти.

Продуктивность разделения исследований власти на апологетические и критические также заключается в формировании потенциала более внимательной работы с языком социальной и политической истории (в том числе истории наших дней), и потому – более глубокой рефлексии прошлого и настоящего. Так, язык повествования об одном и том же историческом событии из перспективы апологетических теорий власти будет легитимизировать все действия власти (через риторику о сакральном и апелляциям к метафизическим иерархиям) и дискредитировать действия её объектов, в то время как язык критических теорий власти сосредоточится на обличении неправомерности метафизических оснований для осуществления подавления групп, оказавшихся объектами власти, а также на сочувствии им. В качестве примера приведём риторичку о событиях 9 января 1905 года. Для описания вооружённой демонстрации, несущей прошение царю об улучшении своих трудовых условий, используются слова «смута», «беспорядки», для описания народа – слова «толпа», «чернь», для обозначения политических сторонников рабочих – «провокаторы», «агитаторы», «строители баррикад», «жиды» и так далее. А. Сорокин так пишет о самих событиях расстрела: «Трепов сумел найти правильную линию поведения. В довольно короткий срок он восстановил в Петербурге порядок... Где надо он не боялся проявлять твердость, понимая, что разгул подрывных элементов и анархии будет стоить многократно больших жертв. Его знаменитый приказ войскам “патронов не жалеть”, несмотря на его внешнюю кровожадность, на самом деле остановил кровопролитие» [7].

Напротив, у историка-анархиста В. Волина мы читаем: «Многие... всё ещё сохраняли надежду на успех, уверенные, что если им удастся пройти на площадь, к царскому дворцу, то государь выйдет к ним, примет их, и всё наладится. <...> В тот день в столице погибли сотни людей: мужчин, женщин и детей. Солдат предусмотрительно напоили до бессознательного состояния, чтобы избавить от всяческих сомнений. Некоторые из них, совершенно невменяемые, забавлялись тем, что стреляли по детям, вскарабкавшись на деревья, “чтобы лучше видеть”. События 9 января получили мощный отклик в стране. В самых дальних уголках люди с возмущением узнали, что вместо того, чтобы прислушаться к безоружному народу, пришедшему к Зимнему Дворцу рассказать о своих нуждах, царь хладнокровно приказал открыть огонь» [3, с. 56-57].

Очевидна семантическая разница этих двух нарративов: первый репрезентирует расстрелянных в диапазоне от несмышлёных обманутых детей до хулиганов и даже опасных преступников, второй, напротив, онтологизирует их; аксиологическая установка первого сфокусирована на порядке как высшей ценности, второго – на человеческой жизни, свободе и достоинстве (даже если речь идёт о простых рабочих); первый проблематизирует поведение рабочих, второй – поведение солдат и тех, кто отдавал им приказы; первый сочувствует властям, вынужденным справляться с беспорядками, второй – рабочим, чьи надежды и мысли представляются как заслуживающие внимания и понимания.

Таким образом, одно и то же событие предстаёт перед нами в совершенно разном свете, в зависимости от того, из какой этической перспективы отношения к власти оно описано. Верно и обратное: семантический анализ исторического нарратива позволяет установить источник и причины, обусловившие выбор им определённого языка повествования, что само по себе способно пролить дополнительный свет на то или иное историческое событие: то, на каком языке оно описано, указывает на то, в чьих руках была власть, закрепляет его официальное описание, с какой целью оно описано, а также – что крайне важно – что могло быть исключено из этого описания факта. С этой точки зрения философский анализ истории становится возможен не просто как анализ фактов, но как реконструкция событий через дискурсивную расшифровку потребностей того или иного властного дискурса производить определённый образ самого себя.

Более того, затруднительно вообще представить некий «нейтральный» язык описания, поскольку даже статистика учитывает одно и не учитывает другое, обращает внимание на одни аспекты фактов и остаётся нечувствительной к другим, хотя они могли бы, к примеру, лишить смысла сам изначальный принцип выборки. Например, в своей работе «Мотивация и деятельность» Х. Хекхаузен предпринимает попытку статистического исследования «женских форм власти» в обществе с классической (патриархальной) моделью семьи [10, с. 595]. При этом он упускает из внимания, что, согласно консенсусу современных гуманитарных наук [12, р. 79], власть представляет собой систему, а не аффективные вербализации господства, а также является бинарной (предполагает наличие субъекта и объекта власти), что в совокупности делает невозможным женский субъект власти в патриархальном обществе, и указывает: то, что Х. Хекхаузен подразумевает под «женскими формами власти», в действительности представляет собой лишь реакцию женщин на свою

роль объектов власти и адаптацию к ней. Это означает, что близорукость его «беспристрастного» взгляда в конечном счёте лишает смысла вообще всё проведение подобного статистическо-аналитического исследования.

Подведём итоги. Власть представляет собой проблематичный объект исследования в силу невозможности зарегистрировать её (и тем более описать и оценить) за пределами какой-либо этической перспективы. Невнимание к этой особенности власти как объекта исследования приводит к формированию непродуктивных стратегий её анализа, постановке связанных с ней проблем и их решения. По этой причине мы считаем конструктивным ввести в оборот методологическое разделение существующих теорий власти на апологетические и критические, что позволит производить более точный ретроспективный социально-философский и философско-политический анализ как уже сформировавшегося корпуса текстов и современных теорий, так и исторического процесса и текущих общественно-политических событий.

Список литературы

1. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 596 с.
2. Бугаков Я. Уроки второй смуты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravaya.ru/look/2008> (дата обращения: 15.08.2017).
3. Волин В. С. Неизвестная революция. М.: НПЦ «Праксис», 2005. 606 с.
4. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
5. Конфисахор А. Г. Психология политической власти. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 235 с.
6. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997. 380 с.
7. Сорокин А. Кровавое воскресенье. Как это было [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imperskiy-fund.com/page-261.html> (дата обращения: 15.08.2017).
8. Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007. 207 с.
9. Фельдман Д. М. Лидер в ситуации политического конфликта // Психология и психоанализ власти: сб. ст. / под ред. Д. Я. Райгородского. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016. С. 504-507.
10. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. 253 с.
12. Johnson A. G. Privilege, Power and Difference. USA: McGraw-Hill, 2006. 177 p.

POWER AS AN OBJECT OF RESEARCH: SPECIFICITY OF DESCRIPTION, MAIN PROBLEMS OF THE ANALYSIS, PRODUCTIVITY STRATEGIES

Rakhmaninova Mariya Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg Mining University
Nordseeinsel@yandex.ru

The present article is devoted to the specificity of the phenomenon of power as an object of social and philosophical research and historical and philosophical reflection. The article gives an overview of some of the main difficulties associated with the predominance of the “neutral” position in the academic tradition that sets the horizon for the study of power and also examines the causes why such a position can be not only problematic, but also counterproductive. As an answer to these problems, an additional filter is proposed that classifies theories based on an analysis of their ethical perspectives, as well as the choice of the categorical apparatus and the language of research that is stipulated by it.

Key words and phrases: power; research; theory; classification; analysis; history.

УДК 94(47)«1914/1917»

Исторические науки и археология

В статье на основе анализа местной прессы рассматриваются организация, формы и методы осуществления благотворительной деятельности и проявления милосердия населением Вятской губернии в годы Первой мировой войны. Газеты Вятской губернии в каждом выпуске информировали читателей о количестве собранных средств, о мероприятиях, проводимых для сбора денежных и материальных средств в помощь раненым воинам и семьям фронтовиков. На основе проведенного исследования автором делается вывод о том, что пресса несла определенный пропагандистский заряд и способствовала поддержанию в обществе патриотических настроений.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; благотворительность; оказание помощи; раненые и увечные воины; пресса; Вятская губерния.

Рябая Светлана Анатольевна, к.и.н., доцент

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова
saryaba@mail.ru

ВЯТСКАЯ ПРЕССА О МИЛОСЕРДИИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Изучение вопросов повседневной жизни является актуальным направлением современной исторической науки. В годы военных конфликтов XIX – начала XX века особое внимание средств массовой информации –